

Щербич Софья Николаевна

**"ДУШУ СПАСТИ - НЕ ЛАПОТЬ СПЛЕСТИ": БОРЬБА ЗА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК
МОНАШЕСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье рассматриваются проблемы возрождения духовно-нравственного смысла монашеского служения в XIX - начале XX в. в российской провинции. На основе изучения делопроизводственных материалов монастырей и Тобольской духовной консистории раскрываются причины секуляризации основ и ценностей иноческой жизни в Тобольской епархии. Автором описывается практика поиска епархиальным руководством средств и методов выхода из духовного кризиса и оздоровления общественного мнения сибиряков о предназначении монашества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/60.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 213-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 262.1

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются проблемы возрождения духовно-нравственного смысла монашеского служения в XIX – начале XX в. в российской провинции. На основе изучения делопроизводственных материалов монастырей и Тобольской духовной консистории раскрываются причины секуляризации основ и ценностей иноческой жизни в Тобольской епархии. Автором описывается практика поиска епархиальным руководством средств и методов выхода из духовного кризиса и оздоровления общественного мнения сибиряков о предназначении монашества.

Ключевые слова и фразы: Тобольская епархия; девиантное поведение монахов; монастырский устав; духовно-нравственный облик монашества; общественное мнение.

Щербич Софья Николаевна, к.и.н., доцент
Тюменский государственный университет
sofia-sh@mail.ru

**«ДУШУ СПАСТИ – НЕ ЛАПОТЬ СПЛЕСТИ»: БОРЬБА ЗА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ
ОБЛИК МОНАШЕСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

Церковные реформы второй половины XVIII века привели к существенным социально-качественным изменениям монастырской жизни провинциальной России в XIX – начале XX века. Во-первых, возникла проблема укомплектованности штата монастырей братией, служить в них зачастую было просто некому. Во-вторых, включение сибирских монастырей в структуру российской пенитенциарной системы имело негативные последствия для организации повседневной жизни монашествующих.

Решение первой проблемы епархиальное руководство видело в зачислении в штат братии лиц, отправленных на исправление в монастыри за разные проступки. Нередко это способствовало нарастанию напряженности и приводило к конфликтам между подначальными и монахами, что пагубно отражалось и на паломниках, посещающих монастыри.

Нередко настоятели просили епархиальное руководство избавить их от присутствия осужденных лиц, например, сохранилось прошение архимандрита Тобольского Знаменского монастыря Евгения, где он настаивал определить в отдаленный монастырь запрещенного диакона Андрея Серебрянкова, за то, что он часто пьянствовал и наводил стыд на монастырь [2, д. 111, л. 223].

В основном, в монастырях Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX века содержались представители духовенства. Например, в 1866 году на покаянии числилось светских лиц – 3 человека, духовного звания – 25. Из 25 представителей духовенства 11 были осуждены за пьянство [8, д. 250, л. 33]. В 1871 году лиц светского звания – 3 человека, духовного – 44. Из 44 человек – 15 несли наказание за преступления против должности, а 29 – за пьянство и непотребное поведение [1, д. 190, л. 33]. Таким образом, за пять лет видна тенденция увеличения лиц, сосланных за пьянство более чем в два раза. В 1906 году в Тобольском Знаменском монастыре отбывало епитимию за пьянство 7 человек духовного звания [Там же, л. 99-101].

По мнению А. Р. Павлушкова, рост доли дисциплинарных нарушений среди духовенства явился отражением тенденции ослабления позиций Русской Православной Церкви в результате модернизационных процессов второй половины XIX – начала XX в. Соблазны светской материальной жизни все больше давили на клир и постепенно подтачивали церковную дисциплину [6, с. 42]. Данная ситуация постоянно находилась на контроле епархиального руководства, настоятели монастырей обязаны были ежемесячно, а иногда и чаще присылать отчеты о поведении братии в Тобольскую духовную консисторию. Например, в ведомости за 1829 год настоятель Тюменского Троицкого монастыря отмечал о своей братии, что: «иеромонах Мануил – вздорлив, склонен к вину, к послушанию не способен по болезни глаз и по нетрезвому поведению; вдовый диакон Димитрий Кокшарский – склонен к пьянству, вздорлив и ослушен, к послушанию не способен по нетрезвому поведению; послушник 17-ти летний Иван Скосырев – склонен к вину, вздорлив, ослушен, к послушанию не способен по развратности» [5, д. 81, л. 1 об. – 2].

Формирование поведенческой культуры среди епитимщиков, соблюдение уставных отношений в монастырях являлись первоочередными задачами для настоятелей. Безусловно, что для некоторых лиц, отбывающих наказание, нахождение в монастырях могло носить положительный характер, и способствовать их исправлению. Но это были единичные случаи, в большинстве своем ситуация складывалась наоборот. Показательным в этой связи является дело монаха Абалакского Знаменского монастыря Феодосия. Следствие по нему длилось десять месяцев. Выяснение обстоятельств дела было поручено благочинному монастырей архимандриту Димитрию [3, д. 3, л. 3]. В деле имеется рапорт настоятеля монастыря архимандрита Антония, допрос старшей братии и монаха Феодосия. В своем рапорте настоятель докладывал архиерею о том, что монах Феодосий «будучи нетрезвый, во время ужина, нанес тяжкие обиды словами духовнику своему иеромонаху Митрофану, называя его гнилым деревом, скотом, свиньей, болваном. И тебя в озарении проклинал и изливал, что архиерей – болван» [4, д. 544, л. 4]. Братия также указывала, что причиной такого поведения монаха Феодосия было нетрезвое состояние, и что, ругая духовника, он наводил хулу и на архиерея «что все монахи – болваны, потому что они люди отрешенные от мира, и мертвые для оною и такой же архиерей болван» [Там же, л. 9-10]. Судя опросам братии, отношения Феодосия с ними сложились не самым лучшим образом: «Вел себя неблагопристойно и нетрезво. Неоднократно приходил в трапезу в пьяном виде и без побудительной причины ругал нас площадными словами. С послушниками обходился дерзко, в храме вел себя неприлично, громко бранил

послушников, плевался, неоднократно осердясь сходил с клироса, не пел и не читал всю службу. Часто отлучался из монастыря, а куда нам неизвестно» [Там же, л. 11 об. – 12]. В свое оправдание Феодосий сообщил, что его частые отлучки из монастыря связаны с заботами о дочери, *(которая по каким-то причинам, находилась на его иждивении)*, с дозволения Владыки «ибо он возложил на меня дочь, вина я не пил, не с кем и негде» [Там же, л. 15 – 15 об.]. Монах Феодосий же отмечал, что он не один такой, например «иеромонах Митрофан пьянствовал, начиная с 23 ноября по 12 марта, и бывал в церкви пьяным, толкал богомольцев. Вырывал свечи и сам ставил. Его называли богомольцы сумасшедшим. А потому я в защиту монашеского сана и говорил, что монахи болваны, отрешенные люди от мира и мертвые и что говорил, что Его Высокопреосвященство погубил меня, это потому что дочь возложена на меня, а монах родства не имеет. Диакон Соловьев меня неоднократно в церкви ругал, поэтому я и уходил с клироса, а сын его Димитрий во время литургии наклак бересты в клубок» [Там же, л. 16 об.]. В ходе следствия выяснилось, что Феодосий Горизонтов ранее был исключен из духовного звания в Рязанской епархии. Прибыв в Тобольскую епархию, был вновь принят в епархиальное ведомство в 1857 году. В 1864 году опять был судим, отрешен от места и направлен в монастырь до раскаянья и исправления. Но, как видно, этого не последовало. Таким образом, принято было окончательное решение исключить его из духовного звания и направить в Тобольское Губернское правление для избрания Феодосием другого рода жизни, с изъятием удостоверяющих документов. Феодосий Горизонтов не был согласен с решением суда и подал апелляцию в Синод. Синод признал решение консистории правомочным [Там же, л. 38 – 38 об.]. Нередки были случаи, когда сами настоятели попадали под следствие. В частности, архимандрит Абалакского Знаменского монастыря Антоний был уволен с настоятельской должности за беспорядки в монастырском хозяйстве [Там же, д. 393, л. 60]. В 1826 году настоятельница Туринского монастыря Амфилохия была отстранена от управления за траты финансовых средств монастыря без разрешения и за излишнее употребление вина.

Мысль о духовно-нравственном кризисе в среде монашества Тобольской епархии, красной нитью проходила через все отчетные материалы архиереев и благочинных, которые небезосновательно подвергали конструктивной критике насельников монастырей. Архиепископ Варлаам II, посетив в 1866 году Абалакский Знаменский монастырь, отмечал: «При въезде моем в монастырь, настоятель со всею его братией, не только не озаботились встретить архиерея, где и кем следует, но и не делали никакого звона, хотя я совершил божественную литургию. Все эти неурядицы по монастырю, всегда имевшему средства ко всякому благолепию, встревожили дух мой. Братия, по испытанию в знании церковных и монастырских предметов, мало что мыслит, кроме настоятеля и казначея. Опять и опять внушал сколько-нибудь заниматься, дабы не быть совсем безграмотным» [Там же, д. 544, л. 203 – 205 об.]. В этом же году благочинным ректором Тобольской духовной семинарии архимандритом Димитрием были посещены с ревизией мужские и женские монастыри. В своем рапорте он отмечает что: «братия Тюменского Троицкого монастыря монашества не понимает, а потому и живет не по-монашески. Братия в образе жизни руководствуется не более, как только терпимым приличеством. А о старцах, которые могли бы руководствовать к подвигам в духовной жизни, не может быть и речи. Всякий брат живет, единственно руководствуясь своею совестью, у кого из них какова совесть, такова и жизнь и внутренняя и внешняя. Одевается братия довольно прилично, но все еще не по-монашески, трапезу имеют общую и по средствам монастыря достаточную. Некоторые принимают к себе посетителей неизвестных качеств» [Там же, д. 404, л. 251 об.].

Епископ Иустин (1889–1893 гг.), докладывая в Синод о состоянии дел в Абалакском Знаменском монастыре, отмечал: «Несмотря на принимаемые мною к исправлению меры и снисходительные и строгие, таковые не достигают своей цели, и монашествующая братия упорно остается в том же нравственном закоснении. Ненравственные поступки заключаются в нетрезвости, а отсюда в неисправности по службе, непослушании распоряжениям епархиальной власти и в грубом обращении с приходящими богомольцами. Настоятель архимандрит Мемнон – семидесятивосьмилетний старец, слабохарактерный, да к тому же иногда еще и сам не чужд слабости, присущей подчиненной ему братии, и страха никакого не внушает. А заменить его пока не кем» [8, д. 1422, л. 40 – 40 об.]. В хозяйственном отношении также наблюдался беспорядок. Отчеты о расходе и приходе денежных сумм к архиерею не поступали. Богомольцы также были недовольны сложившейся ситуацией. «Многие жители г. Тобольска приезжают в Абалак поговеть, особенно в посты, но, видя такое безобразие, уезжают с ропотом» [Там же, л. 47]. Изменения состояния дел в Абалакском Знаменском монастыре произошли только во время правления Антония IV, который возглавлял Тобольскую кафедру с 1897 по 1910 гг. В июне 1900 года по решению Святейшего Синода в Абалакский Знаменский монастырь прибыл новый монашествующий состав. Настоятелем был назначен бывший ризничий Валаамского монастыря иеромонах Антонин. С ним прибыли еще 2 иеромонаха и 20 послушников с разрешения игумена Валаамского монастыря Гавриила и Финляндского епархиального начальства [Там же, д. 1809, л. 5 об.]. Обитель в духовно-нравственном отношении была приведена в полное благоустройство. Прежняя братия была удалена в другие монастыри. Такая практика применялась и в самом Валаамском монастыре, который также в XIX веке пережил духовный кризис и с пришествием нового игумена Дамаскина получил шанс к духовному возрождению. Как и в Сибири, Валаамский монастырь служил местом исправления и покаяния осужденных лиц, и это отрицательно влияло как на внутреннее, духовное состояние братии, так и на внешнюю сторону монастырской жизни [10, с. 172]. Борьба за духовность братии требовала больших моральных трудов, доказательством этому служит следственное дело игумена Валаамского монастыря Дамаскина, которое было возбуждено по наветам подначальных и части братии, возмущенных строгостью и требовательностью настоятеля. Но усилия игумена Дамаскина по восстановлению прежних порядков на Валааме, возымели свою силу, о чем он свидетельствует в письме епископу Игнатию (Брянчанинову): «В тихой обители преподобных Сергия и Германа тихо; подначальных из духовного и светского звания, слава Богу, нет; братия поживают мирно» [11, с. 174].

К сожалению, решить проблему повсеместно во всех монастырях Тобольской епархии не удалось, требовалась полная замена всего монашествующего духовенства. Но надо полагать, что это было за гранью реальности.

Во-первых, вставал вопрос, где взять новую братию, когда «процесс эрозии благочестия духовенства» [6, с. 42] был явлением общероссийским. Во-вторых, что делать с нынешней братией. Монастыри, как церковный институт, в силу своих возможностей реагировали на негативные процессы, происходящие в духовной среде, стремились к искоренению зла и возрождению культуры монашествующих, приоритетов духовных ценностей: самоотверженности, жертвенности, отречения от своей воли, от удобств и удовольствий мира во имя высших идеалов [7, с. 209]. Поэтому в качестве основополагающих мер, стало введение в них строгого общежительного устава, обучение монахов и приобщение их к чтению духовно-просветительной литературы, которая составляла значительную долю книжных собраний монастырских библиотек XIX – начала XX века.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 70. Оп. 1.
2. ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1.
3. ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25.
4. ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 26.
5. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-85. Оп. 1.
6. Павлушков А. Р. Преступность в среде духовенства в России XIX в. // История государства и права. 2014. № 5. С. 41-46.
7. Пятюлина Н. Д. Монастырь и монашество в контексте светской культуры // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 4. С. 206-209.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.
9. Смолич И. К. Русское монашество 988-1917. Жизнь и учение старцев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999. 607 с.
10. Суслов А. В. Валаамский монастырь как место исправления подначальных // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 169-173.
11. Суслов А. В. Следственное дело Валаамского игумена Дамаскина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 170-175.

“TO SAVE LIFE IS NOT THE SAME AS TO WEAVE A BAST SHOE”: FIGHT FOR SPIRITUAL AND MORAL CHARACTER OF MONKS OF TOBOLSK EPARCHY IN THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Shcherbich Sof'ya Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor

Tyumen State University

sofia-sh@mail.ru

The article considers the problems of spiritual and moral sense revival in monastic service in the Russian province during the XIX – at the beginning of the XX century. The reasons of the secularization of the foundations and values of monastic life in Tobolsk eparchy are revealed basing on the study of the clerical materials from the monasteries and Tobolsk Theological Consistory. The author describes the practice of search for the means and techniques of spiritual crisis overcoming and improving the Siberians' public opinion about the purpose of monasticism undertaken by the eparchial leadership.

Key words and phrases: Tobolsk eparchy; deviant behaviour of monks; monastic regulations; spiritual and moral character of monks; public opinion.

УДК 7; 76:761

Искусствоведение

В статье впервые рассмотрено развитие гравюры на линолеуме в искусстве Харькова 1950-1970-х гг. Автором доказано, что указанный период характеризуется интенсивным развитием линогравюры и ее доминирующим положением среди других техник эстампа. Установлены основные закономерности становления гравюры на линолеуме в украинской графике, которые нашли отражение в местном художественном пространстве, определены региональные особенности. Введены в научный оборот малоизвестные произведения харьковских авторов, проанализированные с учётом современных искусствоведческих исследований.

Ключевые слова и фразы: украинское искусство; харьковская графика; гравюра на линолеуме; обновление графического языка; цветные эстампы Г. С. Галкина; художественная и педагогическая деятельность М. З. Фрадкина.

Яровая Вера Сергеевна

Харьковская государственная академия дизайна и искусств, Украина

verusa2008@ukr.net

**СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНОГРАВИЮРЫ ХАРЬКОВА 1950-1970-Х ГГ.:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ[©]**

В современных искусствоведческих и культурологических исследованиях сохраняется интерес к художественному наследию советской эпохи, обусловленный необходимостью его теоритического переосмысления и органичного введения в настоящий научный контекст. При этом одним из актуальных векторов искусствознания остаётся реконструкция региональных художественных процессов, определение своеобразия местных